

*Персонажи книги не имеют
никаких реальных прототипов.
Любое совпадение случайно.*

Пролог

Варвара знала, что смерть будет прохладной.

Умрет она через считанные часы. Нет, раньше. В лучшем случае — через час. С этим ничего не поделать. Совсем ничего. Ни позвать на помощь, ни спастись. Жизнь утекала тонкой струйкой. Капли уносили дни, недели, месяцы и годы.

Вода поднялась к плечам.

Скоро доберется до шеи, затем до подбородка, начнет заливать рот. Варвара будет сопротивляться, сожмет губы, постарается дышать носом. Чтобы выиграть несколько минут. Самых драгоценных, последних. Сопротивление отчаянное, но бесполезное. Вода подобрется к ноздрям. Варвара станет выдувать ее, пока не захлебнется. Вода будет течь и течь. Ей все равно. Последние минуты окажутся мучительными.

Чтобы не думать, Варвара представила остров, который погружается в океан. Потом крейсер, который получил пробоину и медленно уходит под воду с капитаном на мостике. Атлантиду, тонущую в пучине. Картинки не слишком развлекали. Перед глазами вставала реальная: как она задыхается.

Мучения не закончатся быстро. Вода будет душить не спеша.

Насколько смогла, Варвара опустила глаза.

Ванна старинная и большая. Варвара поместилась в ней целиком. Она видела свое тело и пальцы ног вдалеке. Из крана льется струйка прохладной воды. Белеют стенки ванны. Она ощущала запах малины, слышала звуки, долетавшие в ванную. Могла дышать, водить глазами, слышать. Только тело стало чужим. Мышцы пропали. Будто их не было. Горло и язык тоже исчезли. Даже застонать не получилось.

Глупо утонуть в ванне, умея плавать.

Варвара согласилась, что это меньшая из глупостей, которые она совершила за последние часы. Нельзя было идти на такой риск. Следовало предупредить. Хоть кого-нибудь. На что она рассчитывала, когда устроила эту авантюру? Что справится сама? Утрет кое-кому нос? Зачем, ну зачем эта самоуверенность. К чему это фамильное ванзаровское упрямство и желание все сделать самой.

«И вот конец под занавес», как говорит знаменитый театральный костюмер тетя Нюся.

«И никто не узнает, где могила твоя», — подбодрила себя Варвара. Как раз наоборот: узнают. К утру вода перельется через край и устремится водопадом на соседей. Возмущенные граждане станут ломиться, вызовут МЧС, вскрыют дверь и найдут Варвару среди малины. Она будет плавать русалкой. Только мертвой. В целом красиво. Для конца фильма. Но не для жизни.

Варвара подумала, что до утра ей не дотянуть.

Может, удастся всплыть, когда вода поднимется? Человек как-то держится на поверхности воды. Надежда вспыхнула и погасла падающей звездой. Разум успокоил:

не надейся, дорогая, ноги и округлости всплыть не дадут. Легким не хватит сил держать твой торс над водой. Ты утонешь. Неизбежно. Варвара поняла это окончательно.

Странно, что она спокойна. Ни паники, ни слез, ни отчаяния. Принимает свой конец как поездку на метро. От станции «Жизнь» до станции «Смерть». Даже немного весело. Наверно, ей повезло: она точно знает, что идут последние минуты. Встречает финал с открытыми глазами и ясным сознанием.

Нельзя забивать голову успокоительной чушью. Нельзя умирать. Нельзя, чтобы убийца добился цели. Убийце кажется, что все получилось. На самом деле так и есть. Никто, кроме Варвары, не понимает, что происходит. Только она знает, что случилось на самом деле. Только она увидела ложь.

Неужели правды так никто и не узнает? Неужели истина утонет вместе с ней?

Ну уж нет...

Варвара постаралась отыскать живую клеточку в тряпичном теле. И нашла кое-что. Большой палец правой ноги кивнул хозяйке. Уже неплохо. Как бы применить его по назначению?

Сгибая палец, словно качая мышцу, Варвара уловила кончиком ногтя нечто свободно висящее. Стальная цепочка. На конце у нее должна быть пробка от ванной. Вот он, последний шанс. Если выдернуть пробку, вода убежит. Варвара отлежится, пока не вернутся силы. А уж потом...

Что будет после, Варвара не стала загадывать. Ответила палец, сколько смогла, ощутила цепочку в ямке между фалангами и сжала. Палец удерживал цепочку. Осталось дернуть.

«Все хорошо, все получится» — убедила она себя. И повела пальцем до последней возможности. Цепочка послушно последовала, куда тянули. Не сопротивляясь.

Еще.

И еще.

Ничего не произошло.

Цепочка болталась легко и свободно. Ее отделили от пробки. Какая предусмотрительность.

А если выковырять пробку из слива ванны? Чтобы до нее дотянуться, ступня должна двигаться. Ловкости одного большого пальца не хватит.

Было прохладно.

Было спокойно.

В общем, было неплохо.

С водой утекали минуты.

Теперь точно все?

---

16 июня 2021 года

1

В кухню втекала липкая духота. Варвара сидела у открытого окна, пытаясь освежиться. От жары и футбола¹ не было спасения. Даже в холодильнике. Варвара попробовала залезть в его нутро до пояса, но холодок растаял в теплом воздухе. Холодильник обещал освежать при закрытой дверце. Закрыться внутри Варвара не решилась. Как-то раз она встречала Деда Мороза в холодильнике. Тогда спас родной дед, услышав отчаянные стуки. Теперь все заняты футболом. И вообще Варвара жила одна. О чем грустила, но не жалела.

Зато перепробовала советы лучших подруг, как справиться с духотой. Мокрые простыни, развешанные по предложению Марты, превратили квартиру в тропики с запахом сырого белья. Вентилятор, щедро подаренный Ингрид, еле шевелил лапками, издавая предсмертные хрипы.

---

¹ Часть игр чемпионата Европы по футболу 2021 года проводилась в Санкт-Петербурге.

Самый простой выход, поставить кондиционер, был недоступен. Варвара жила в памятнике архитектуры, охраняемом государством. Во всяком случае, так уверяла медная табличка у парадной. Государство табличку повесило и забыло. Дом ветшал, сыпался, шел трещинами, но ставить на фасад кондиционер было запрещено. Категорически! Да, вот так, с восклицательным знаком.

Раздеться Варвара постеснялась. Не то чтобы кто-то подглядывал с другой стороны канала Грибоедова. Или ей не нравилось свое отражение в зеркале. С этим все было в порядке. Просто ходить по квартире нагишом казалось странным. Будто играешь в порнофильме. В общем, старая футболка брата избежала судьбы половой тряпки, а превратилась в легкое домашнее платье. Закинув ноги на кухонный стол, чтобы дуло не только в лицо, Варвара ждала облегчения. Облегчение запаздывало.

Дед уверял, что в Средней Азии в лютый зной спасаются горячим чаем. Варвара не помнила, чтобы дед ездил на Восток, но заварила чайник дарджилинга. Обжигаясь, выпила подряд две чашки. Чтоб с гарантией. Может, восточным людям становилось легче. Может быть. Варваре показалось, что она окунулась в пекло. С нее текло так, будто она нырнула в пруд. Даже бывший знакомый, которого она вычеркнула из жизни и смартфона, мог позавидовать такому потоизвержению. Оказывается, хуже, чем в русской бане, может быть. Не считая котлов в аду.

Но прошло несколько минут — и стало хорошо. Народный кондиционер сработал: пот высохал и охлаждал. Варвара в очередной раз убедилась, что дед всегда прав. Даже когда она уверена в обратном.

В утренний час солнце еще не нагрело их сторону канала Грибоедова. Дом находился в тени. К полудню здесь будет печка. Чай не поможет. Варвара не планировала сидеть дома. Хотя имела полное право.

Экзамены и зачеты, которые обязана была принять, приняла. Научные и учебные планы на следующий учебный год сдала. Незачеты поставила, пересдачи выслушала, в зачетках расписалась. Студенты Института театрального искусства, или просто ИТИ, избавились от беспощадного дракона до зимней сессии. Официальный отпуск начинался с конца месяца. В институте можно не появляться. Оставалось заняться тем, чего Варвара не умела: бездельем.

Ингрид предлагала развлечься в Сочи. То есть заводить курортные романы каждый день. Марта звала отправиться на Алтай и там найти просветление. У Варвары без просветления и романов голова была забита под самую макушку. Она наметила взяться за кандидатскую диссертацию, в которой собиралась изучить преступления XIX века как особый вид театра жизни, жестокий, но симпатичный. Жизнь — это вообще большой театр, в котором каждый играет свою роль, назначенную Главным Режиссером. Только не догадывается об этом и часто берется за чужие роли.

Смартфон чуть дрогнул, отвергнув вызов из черного списка. Человек этот умер навсегда. Во всяком случае, для нее. Варвара взглянула в окно.

На той стороне канала брела компания с синими шарфами. В цветах сборных Варвара не разбиралась, но подумала, что это финны. Мужчины пивных форм казались пайньками. Не кричали и не размахивали кулаками. Не потому, что финны. Позади них прогуливался патруль курсанток школы полиции. Горячие финские

парни не рискнули знакомиться с девушками в форме. Только красотой и улыбками они навели шелковый порядок. А дубинки, наручники и баллончики с газом — так, для красоты.

Варвара выпила чашку подостывшего чая и включила видео, найденное на ютубе. Программа «Откровенное интервью» была записана года три назад. Известная ведущая Ника Терентьева пригласила звезду театра Таисию Добронину. Повод был особый: Добронину выжили из театра, который она же создала. Ничего удивительного: театр отличается от террариума с удавами тем, что актеры не линяют. А вот человеческим мясом иногда питаются.

Слава Доброниной началась на излете Советского Союза, горела ясно и не погасла. Она снялась в двух фильмах о трудной судьбе советской женщины, которые стали бешено популярными. Славы хватило, чтобы Добронина ушла из кино и смогла отдаться театру. Который потом сожрал ее и выплюнул.

Ведущей она отвечала не выбирая выражений. Тех, кто остался в театре, называла предателями, иудами и бездарностями. Нескольким актрисам, ушедшим вместе с ней, присвоила звание великих талантов. На вопрос Терентьевой «был ли в вашей жизни случай, которого вы стыдитесь» Добронина ответила, что один поступок не может себе простить до сих пор. Но раскрывать тайну отказалась.

Сеанс душевного стриптиза интересовал Варвару слабо с практической стороны. Вчера вечером ее пригласили на дневное ток-шоу Ники Терентьевой. В прямой эфир. Варвара согласилась, но решила подготовиться. Телевидению она не доверяла. Особенно после того, что случилось на днях, когда спортивный коммента-

тор смешал с грязью популярную певицу, образец для подражания для всех девочек. Со звездой Варвара себя не равняла, но готовой надо быть ко всему: ее пригласили как блогера по истории косметики.

Таланты Терентьевой как журналиста Варвара оценила на троечку с минусом. Зато выглядела ведущая образцово. Работа гримера и парикмахера сбрасывала в кадре лет десять. Варвара знала, что Терентьевой не меньше сорока, но выглядела ведущая не старше тридцати, свежей и юной. Рядом с ней Добронина казалась манекеном для старомодной прически. Гримом возраст не скроешь.

Ожил смартфон. Этот человек мог звонить в любое время. Варвара поставила видео на паузу.

— Алексей Юрьевич, доброе утро, — сказала она, как пионер, который всегда готов.

— Дитя мое, не разбудил ли я вас?

Подобное обращение позволялось только одному человеку: профессору Тульеву. Ну и деду, конечно. Дед не в счет. Профессор Тульев был старинным другом семьи, руководителем диплома Варвары, взял ее в аспирантки и теперь руководил ее диссертацией. Тульев испытывал к Варваре отеческие чувства и считал одним из лучших молодых ученых, которых воспитал.

— Что вы, профессор, встаю с первыми лучами солнца, делаю зарядку, работаю над кандидатской, — сказала Варвара, разглядывая над столом ненакрашенные пальчики ног.

— Вы просто пример для подражания. Недаром вас называют стальной аспиранткой, — ответил профессор. Природа наградила его не только добрым сердцем, но также острым умом и колючим языком. Студенты обожали веселого циника, который называл их неучами и балбесами, но зачеты ставил автоматом.

– Называют меня Злобным Драконом, и вам это известно, – сказала Варвара без снисхождения к летам профессора.

– С вами опасно иметь дело. Сам впадаю в нерешительность, когда имею счастье общаться с вами.

– Алексей Юрьевич, что-то случилось?

В самом деле, голос выдавал Тульева. В обычном настроении профессор звучал как серебряный колокольчик. Сейчас потух, был вялым и тихим. Уж не подхватил ли вирус?

– Ничего такого, зачем стоило бы вас беспокоить... Вы не будете обижаться на глупого старика?

– Что произошло? – спросила Варвара, спустив ноги со стола. В такой печали Тульева она не припомнила. Уж не умер ли кто-то близкий?

– В общем и целом сущий пустяк, – начал он. И, втиевато выражаясь, попросил заменить его на вступительном экзамене у актеров.

В просьбе отказать было нельзя. Профессору вообще нельзя было отказать. Варвара взглянула на часы: времени до прямого эфира достаточно. Можно успеть. Она попросила десять минут на сборы и полчаса на дорогу. Профессор поблагодарил печально. И отключился.

Варвара взялась стягивать футболку, но тут бренькнул дверной звонок. Гостей она не ждала, а потому открыла дверь, прикрывшись створкой.

На пороге стоял юноша в белых шортах до колен и сандалиях, надетых на черные носки. Безрукавную рубашку согревал стеганый жилет с логотипом службы доставки. Лицо говорило, что под ним скрывается простодушная душа юноши, которого родители наградили именем Пансофий. Чем обрекли на вечные муки.

— Софик, тебе чего? — спросила Варвара, не желая тратить время на человека, которому помогла достаточно. Как минимум нашла жилье, за которое Пансофий платил только коммунальные платежи. Что для Петербурга — сказка.

— Доставка, — сказал Пансофий, держа на вытянутых руках квадратную коробку бордового цвета с золотом. — Вам, Варвара Георгиевна.

— Что там?

— Торт! — сказал Пансофий, как ребенок о мечте детства. — Из «Астории». Пахнет сказочно.

— Кто прислал?

— От Кирилла Мукомолова. Требование передать лично вам в руки. И вот тут еще записка от него, — Пансофий покосился на конверт, воткнутый под бантик.

Торт в жару не только лишние калории, но проверка характера. Варвара готова была отправить любой торт во чрево холодильника. Но торт от этого режиссера... После того, что он сделал... А теперь зализывает вину... Ну уж нет. Этим тортом Мукомолову надо бы запустить в лицо. Только Варваре было некогда.

— Верни отправителю, — сказала она без жалости.

— Как вернуть? — изумился Пансофий. В его сознании не уместилось, что можно отказаться от торта. Даже в жару.

— Как хочешь. Тебе оплатить доставку?

— Что вы, Варвара Георгиевна, я хорошо зарабатываю. Если требуете...

— Да, требую, — строго сказала Варвара. И не стала напоминать, что кое-кто две недели назад занял у нее десять тысяч. Эти деньги сейчас бы ей очень пригодились. — Не смей откусить ни розочку, ни зефиринку. Я проверю.

– Не посмею, – опечалился Пансофий. – Так что, нести назад?

– Торопись, пока крем не потек.

– Значит, возврат...

– Ты к вступительным экзаменам готовишься?

– Готовлюсь, – в грусти ответил курьер.

Варвара поняла: театроведение Пансофия не дождется. Засосала вольная курьерская жизнь. Наверное, тысяч девяносто зашибает. На фоне таких барышей стипендия аспиранта Ванзаровой казалась плохой шуткой. Ну и зачем учиться? Чтобы прыгнуть из курьеров в миллионеры, высшее образование не нужно.

– Вернешь торт и берись за подготовку, – сказала Варвара. – Прости, Софик, ни чая, ни воды не дам. Очень спешу.

И захлопнула дверь.

Жара упрощает отношения. Прямо как футбол.

2

Старую петербургскую улицу перегораживала толпа. Девушки не были фанатками эстрадной звезды, а в здании серого гранита концерты не устраивали. Зато полтора века здесь учили, как стать звездой. Если сильно повезет.

Выпускники звездами становились. Примерно один на десять тысяч. Остальные растворялись в ролях второго плана. Горькую правду никто не скрывал и ничего не обещал. Но каждый год в начале июня тут собирались мечтатели. И особенно мечтательки. Чтобы поступить на актерский факультет. Абитуриенты ИТИ отличались от поступающих в нормальные вузы горящим взглядом,

нервным смехом и жутким страхом. Боялись они не зря: из трехсот жаждущих славы отбирали одного. Или одну.

От напряжения толпы можно было заряжать смартфон. Варвара позволила себе освежиться в невидимых волнах. Наивность юных так бодрит. Она прошла сквозь абитуриентов с каменным лицом. Будто хозяйка судьбы, от которой зависит будущее. И поднялась по мраморной лестнице в аудиторию, где шел экзамен первого тура.

Творческим личностям предстояло преодолеть три тура. На первом мастер, набиравший актерский курс, в огромном потоке вылавливал тех, кто ему нравится. На втором происходил отсев, а после третьего тура курс был собран. Экзамены на актерский факультет начинались за месяц до приема в обычные вузы. Чтобы те, кто провалился, взяли за ум и решили учиться чему-то полезному для жизни и семейного бюджета. То есть пошли в политех, на экономику или госуправление.

Рядом с аудиторией собралась толпа поменьше. Варвара акулой проплыла через стаю сардинок, приоткрыла дверь и показала Тульеву. Профессор сразу вышел. Подхватив Варвару под руку, отвел от толпящейся юности.

— Дитя мое, как я вам благодарен, — сказал он.

Тульев был не похож на себя. Хулиганские искорки потухли. Он был печален, как старик. Плечи осунулись, будто постарел. С чем Варвара категорически была не согласна.

— Алексей Юрьевич, не пора ли сдать ПЦР-тест?

— Зачем мне тесты? Я прекрасно себя чувствую.

— Усталость и апатия — первые признаки сами знаете чего.

– Дитя мое, хоть вы не лезьте в эту трясиину. У нас теперь все специалисты по микробам.

– Как скажете, профессор. Вы точно не больны?

– Болеть я буду сегодня вечером за нашу сборную. Безнадежно, но долг зовет.

– У вас точно ничего не случилось?

Варвару наградили печальной улыбкой.

– Иногда призраки прошлого возвращаются, когда их совсем не ждешь.

– Призраки прошлого? – спросила Варвара так, чтобы получить разъяснение.

Тульев отмахнулся.

– Все пустяки. Последствия жары... Пойду, охладюсь водкой. Ну, не буду вас задерживать, – профессор пожал ей руку выше локтя и, склонив голову, прошел сквозь толпу.

Такой Тульев Варваре окончательно не понравился. Она вошла в аудиторию и заняла стул, нагретый профессором.

На актерских турах представитель театроведов играл роль пугала. За столом приемной комиссии надо было делать вид «вот сейчас как задам коварный вопрос по истории театра, как завалю». Правила игры были просты: мастер курса сам решал, кого берет. Когда секретарь спрашивал: «У комиссии есть вопросы к поступающему?» – Варваре следовало изображать немую угрозу.

Рядом сидела Инка – секретарь учебной части института, однокурсница и неплохая подружка. Инка служила бездонным источником знаний обо всем, что делалось в институте и в театральном мире. Слухи и сплетни были ее настоящим призванием. С таким богатством и не стала блогером. Нет в мире совершенства.

– Ин, что с Тульевым? – шепотом спросила Варвара.

— Сама не пойму, — прошептала Инка. — Странная история.

— Раскрой интригу.

— Давай потом.

— Давай сейчас. Или засмотрелась на красавца абитуриента?

Перед столом приемной комиссии юноша утомленного вида завывал монолог Гамлета. Члены комиссии прятали глаза. Смеяться они уже не могли, а первый тур еще не перешел за половину.

— Удивительное дело, — прошептала Инка.

— Удивляй, — потребовала Варвара.

— Заходит девушка. Такая миленькая, блондиночка, стрижка каре, одета довольно модно, с закосом под стиль восьмидесятых. Шарфик такой симпатичный. Ничего необычного. Секретарь спрашивает, что она приготовила. Говорит: «Монолог фру Алвинг».

— Из драмы Ибсена «Привидения»?

— Представь себе! Труднейший трагический монолог — и на первом туре. Я такого вообще не припомню. Комиссия замерла. Секретарь говорит: «Пожалуйста, показывайте». И тут началось.

— Провалилась?

— В том-то и дело! — шепотом изумилась Инка. — Такая мощь, такая сила, такой трагический талант, просто сравнить не с чем. У мастера челюсть отвисла. У меня мурашки по коже. Она закончила и стала прежней девушкой. Мастер сказал только: «Спасибо, вопросов нет». Она кивнула и вышла. Будто чашку кофе выпила. Тут мастер вскакивает и кричит: «У меня звезда курса! Какая деваха! Она моя!»

— Абитуриентка еще не знает, что уже зачислена? — спросила Варвара.

Инка кивнула.

— Мастер хочет — девочку взяли. Даже если все экзамены сдаст на двойку.

— А Тульев при чем?

— Вот это самое странное, — прошептала Инка. — Как только она вошла, профессор уставился на нее. А когда монолог начала, буквально окаменел. Не шевельнулся. Ты же знаешь, Ают¹ обычно подкалывать любит, шуточки всякие, а тут — как статуя. Никогда не видела его таким. Может, влюбился на старости лет? Стрела любви пронзила сердце. У пожилых мужчин такое бывает.

Конечно, Тульев имел право влюбиться в кого угодно, даже в молоденькую абитуриентку. Варваре стало неприятно. Профессор, как и дед, принадлежал только ей. Юный эгоизм, что поделать.

— Кто она такая?

— Некая Лиза Иванова.

— Ин, ты же все про всех знаешь.

— Варя, забыла, что ли: на первый тур документы не требуют, чтобы зря не возиться. Абитуриенты заполняют заявочный лист. Тебе что за дело?

— За Тульева беспокоюсь.

— Любовь не знает границ и возрастов, — Инка улыбнулась с наивным коварством.

Варвара сделала вид, что намек не поняла.

Она досидела до конца приема. Абитуриенты старались доказать, что им не надо поступать в театральный. Большинству это удалось.

Варвара вышла из аудитории, когда в холле остались самые отчаянные и приезжие, которым деваться некуда. Спускаясь по мраморным ступенькам, она

---

¹ Студенческое сокращение: Алексей Юрьевич Тульев.

заметила в холле женщину, которая вертела головой, разглядывая старинную люстру, огромное зеркало, настенные часы и статую Мельпомены. Обычное поведение для тех, кто учился в этих стенах. И спустя много лет вернулся испытать ностальгию. Туристы здесь не ходят.

Женщина выглядела модно и дорого: брючный костюм, лакированные туфли, большие затемненные очки, сумочка на длинном ремне и ухоженная кудрявая прическа. Даже футбольный шарфик казался из бутика. Лицо ее закрывала черная маска со стразами. Судя по худым пальцам в бриллиантовых кольцах, дама не первой молодости.

Варвара сошла с последней ступени.

— Могу вам чем-то помочь? — спросила она.

Женщина чуть склонила голову, будто разглядывала.

— Благодарю вас, милая. Не смею вас беспокоить, просто захотела немного отдохнуть от жары, взглянув на старинный петербургский дворец.

В самом деле, в мраморном холле института в любую жару было прохладно. И дом когда-то был дворцом, построенным для любовницы Великого князя. И женщина говорила с интонациями, которые Варвара давно не слышала: журчащая речь старой ленинградки. В Петербурге теперь так не говорят. Варваре захотелось познакомиться. Или обменяться парой слов.

— Если хотите, могу показать вам институт.

— Спасибо, милая. Как-нибудь в другой раз. Всего вам самого наилучшего, милая.

Женщина кивнула, прощаясь, и торопливо вышла. С тяжелыми парадными дверями, которые измывались над студентками, она справилась легким движением руки.

Глянув на бронзовый циферблат, полтора века отмерявший время, Варвара вызвала такси в приложении на смартфоне.

Телецентр слепил стеклами, как квадратный айсберг.

Ассистент в мятой футболке встретил Варвару в бюро пропусков, лениво кивнул и позволил следовать за ним. Он прошел по коридору, выкрашенному голубой краской, как в бассейне, и распахнул пластиковую дверь. Комнату заполняли два парикмахерских кресла. Вокруг зеркал горели лампочки, слепя белым светом. Хозяйка гримерной, стройная девица с ярким макияжем и в коротком платье, оценила Варвару. И дежурно улыбнулась.

— Кася, эфир через пятнадцать минут, отведу сразу в студию, — сказал ассистент и сообщил в рацию: — Третий гость на гриме.

— Толик, дверь не закрывай, умираю от жары, — проворковала гримерша Кася. Будто заигрывала.

Толик буркнул в рацию и вышел, оставив дверь нараспашку.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Кася так, как просят выйти вон.

Телевидение встретило неласково. Варваре захотелось сказать ему «прощай навсегда». Она залезла на кресло и прислонилась к спинке, горячей как печка.

— Первый раз на телевидении? — спросила Кася, накидывая на Варвару черный фартук и затягивая на шее так, что перехватило дыхание.

— Надеюсь, последний, — ответила Варвара, ослабляя удавку.

— Волнуетесь?

— Нет.

— У нас многие волнуются первый раз, прямо дрожат.

— Пусть ведущая дрожит, — ответила Варвара и увидела в зеркале, как подведенные бровки Каси полезли вверх.

— А вы кто? — спросила она без жеманства.

Ответить Варвара могла разнообразно. Но предпочла самое простое:

— Блогер.

— О, как интересно. О чем блог?

— История косметики и парфюмерии.

— Здорово! Я на вас подпишусь.

— Спасибо. Может, начнем?

— Конечно! Отдыхайте! — проворковала Кася. — Немного тонального крема, и все будет чудесно.

Варвара закрыла глаза. Под синтетическим покрывалом стояло лето в Средней Азии. Только чай не предлагали. Кася шуршала над лицом. Варваре было все равно. Лишь бы скорее.

— Ну вот и готово!

Варвара глянула в зеркало. В отражении на нее смотрела красота необыкновенная.

— Нравится? — спросила Кася, нарываясь на комплимент.

— Так надо для съемки? — спросила Варвара, чтобы не сказать, что думает о размалеванной кукле.

— Стильный мейк-ап, вас молодит...

Гримерше повезло, что явился ассистент Толик и повел гостью в студию.

Декорация дневного ток-шоу изображала интерьер дачи обычного россиянина с окнами во всю стену, тропическим садом и бассейном. Ника Терентьева сидела в плетеном кресле и листала сценарий. Вокруг нее хлопотали гримерша с кисточкой и парикмахерша с расческой. Напротив стояли три софы без спинки. Две занимали участницы передачи. Толик указал на свободный пуфик у края декорации. Варвара послушно села. Подошел техник, попросил выключить смартфон на время эфира, стал прилаживать на блузку микрофон-петличку. Варвара глянула, с кем предстоит лететь в прямом эфире.

Ближе к ней сидела девушка не старше тридцати, с волевым лицом, одетая в деловой костюм дорогого бренда. Третья участница была покрыта кристаллами, как бутерброд икрой. Варвара сразу поверила, что на руках, на шее и в ушах у нее настоящие бриллианты. Девушка несла на лице груз косметики, расширенные скальпелем хирурга глаза и пышные губы в форме утиного клюва. Удобно ловить мальков в пруду.

Невольно Варвара сравнила себя с блестящим обществом. На их фоне она казалась Золушкой, которую обманула фея-крестная. Как минимум с платьем. Второпях Варвара схватила из шкафа первое попавшееся, чтобы не было жарко. Все равно выбирать не из чего.

— Это кто такая?

— Блогер, — ответил голос с небес.

«Режиссер прямого эфира» — поняла Варвара, и подумала: вот отличный повод встать и уйти.

— Что она тут делает?

— Оперативная замена. Наша звезда извинилась, что не может быть. Вчера вечером.

— Добронина ковид подцепила?

— Говорит, неотложные дела. У новой гостьи блог по истории косметики.

— Искать надо лучше! — недовольно заявила Терентьева. — Все, пошли с чем есть.

С площадки исчезли гримерша и парикмахерша, наступила тишина. Загорелась красная табличка «Эфир». Ника Терентьева превратилась в очаровательное создание. Ту самую ведущую, которую так обожают домохозяйки, что забывают про кипящий суп. Она улыбалась столь искренно, что хотелось ответить тем же. Иные желания одолевали Варвару.

Ника Терентьева объявила тему передачи: красота. И начала знакомить с гостями студии. Катя Бобчик, или Утка-губастик, как Варвара назвала королеву брильянтов, была представлена страстной поклонницей эстетической хирургии и других пыток красоты. Вторая гостья, Светлана Микова, оказалась представителем косметической фирмы. Черед дошел до Варвары. Ведущая замялась и сообщила, что у них в гостях известный блогер. Такой известный, что не знала имени. А режиссер не успел подсказать.

Варвара решила не веселить скучающих телезрительниц уходом из студии. А ведь можно было взбодрить прямой эфир. Ролик разошелся бы по интернету.

Не зная, что опасность миновала, передача потекла по сценарию. Мадам Бобчик рассказывала, какие муки и радости вытерпела в клиниках, включая втыкание золотых нитей в щеки. Мало ей было драгоценностей снаружи, хотелось внутрь. Варвара слушала и молчала.

Настал черед госпожи Миковой. Ведущая проявила большой интерес к продукции фирмы. Призналась, что давно пользуется их кремами, лосьонами и прочей гадостью в красивой упаковке. Микова расхваливала товар,

Терентьева убеждала, что эта косметика сохраняет ее красоту.

Варвара опять молчала. Во-первых, ее никто не спрашивал. Хуже было другое: передача оказалась скрытой рекламой косметического бренда. Обман доверчивых телезрителей.

— Ну и, наконец, наша юная гостья, — Терентьева услышала подсказку в скрытом наушнике. — Варвара, у вас блог по истории парфюмерии и косметики.

— Да, — ответила блогер, не узнавая собственного голоса.

— Наверное, популярный?

— Маленький блог, о котором никто не знает.

Терентьева растянула улыбку. Чуть грим не потрескался.

— Какая скромность. Скажите, Варвара, были в истории средства, которые можно назвать чудодейственными помощниками красоты?

Что тут скажешь?

Варвара готовилась повеселить телезрителей историческими байками. Например, как Помпея, жена императора Нерона, принимала ванны из ослиного молока и земляничного сока. Как графиня Батори купалась в крови крестьянок, чтобы сохранить красоту. Как парфюмер Удард ввел в обращение «Венгерскую воду», рецепт которой якобы подарил королеве Елизавете Венгерской ангел. Как Изабелла Баварская отмокала в отваре из трав и мокрицы. Как Катерина Медичи стала использовать ночные перчатки с кремом. Как Маргарита Наваррская спала в целебной маске, чем наводила ужас на короля Генриха IV, ее мужа. Как итальянки в XVI веке красили волосы и лица желтой краской, чтобы быть солнечными, а проповедник Бертольд прокли-

нал их за это и грозил, что они будут свергнуты в геенну огненную. Как испанский идеал красоты был сформулирован в десяти «тройных» правилах в трактате «Vies des dames galantes»¹. Как был изобретен кольдкрем. Как женщины втирали в кожу свинцовые белила и ртуть, чтобы сохранить красоту.

Рассказать Варвара могла. Только кому нужна скучная история? Тут телевидение, давайте нам шоу. Будет вам шоу.

— Такие средства были, — ответила Варвара.

— Очень интересно, — сказала Терентьева. — Знаете эти рецепты?

— Один знаю.

— Что же это за рецепт?

— Называется «эссенция Венеры». Помогает сохранять красоту неограниченное количество лет, — сказала Варвара, как настоящий эксперт по магии и колдовству. — Я им пользуюсь.

— Вы пользуетесь этим средством? — искренно спросила ведущая. — Вы же молодая девушка, вам не больше двадцати пяти.

— Спасибо за комплимент. Мне восемьдесят пять лет...

Утка-Губастик издала возглас, будто рыбка подавилась. Представитель фирмы уставилась на Варвару, словно только что заметила. Терентьева выпучила глаза. Пора было довершать победу.

— Выгляжу так потому, что много лет пользуюсь «эссенцией Венеры», — сообщила Варвара. — Семейный рецепт, очень древний, семнадцатого века, состав сказать не могу.

---

¹ Пьер де Бурдей де Брантом, «Галантные дамы».

— Как интересно, — выжала Терентьева и опомнилась: — Жаль, что наш эфир подошел к концу...

Варвара сдернула петличку и ушла из студии. На ходу стерла влажной салфеткой грим. Сердиться не на кого. Сама виновата. На телевидение больше ни ногой.

На улице она включила смартфон.

Налетел шквал. Позвонил брат Борис и спросил: когда сестра-старушка собирается в Пенсионный фонд? Позвонила Марта и обиделась, что лучшая подруга скрывала от нее чудесное средство. Позвонила Ингрид и потребовала срочно налить пол-литровую банку эссенции. Друзья и знакомые слали сообщения всех видов: от глупых до идиотских. Варвара не подозревала, что столько народу смотрит дневной эфир. А ведь клянутся, что телик давно выключили и замок повесили. И вот правда вылезла наружу. Шутка в прямом эфире имела ошеломительный успех.

Отвечать Варвара не стала. Пусть веселятся.

Раздался звонок, который нельзя было игнорировать.

— Слушаю вас, — сухо сказала она.

— Здравствуйте, Варвара Георгиевна. Уже выкинули мой номер из списка контактов?

— Что вы, капитан. Не ожидала снова вас услышать.

— Ничего, я привык. Вы сейчас не заняты?

— Не занята. И даже не под подпиской о невыезде.

— Это не ваша заслуга, а наша недоработка... Не волнуйтесь, Варвара Георгиевна, у меня к вам исключительно дружеская просьба.

Варвара не помнила, чтобы с капитаном Следственного комитета Половцом у нее была дружба. Скорее наоборот. Неужели Половец смотрел эфир и хочет получить рецепт волшебного средства?

— Чем могу помочь?

— Как приятно с вами иметь дело, — сказал Половец. Варвара не могла ответить тем же. — Нужна ваша помощь как эксперта. Можете подыхать на Невский?

— Прямо сейчас?

— Чем скорее, тем лучше. Так я могу на вас рассчитывать?

Просьба капитана Половца была не из тех, которые можно игнорировать. Варвара обещала приехать.

4

Отель выходил на Невский проспект классическим фасадом. Заведение открыли при императоре Александре III, да так и не смогли закрыть. Отель выжил в революцию, уцелел при советской власти, а теперь обрел международный шик и пять звезд. Под широким кованым козырьком стояли двое мужчин в неприметных костюмах. Опытный глаз опознал в них сотрудников правоохранительных органов. Глядя в окно такси, Варвара подумала, что служба накладывает отпечаток. И как они в банды внедряются?

Капитан Половец был ей слишком хорошо знаком. А вот его напарник вызвал интерес. Молодой человек, Варвара дала ему меньше тридцати, отличался простой красотой, которая для мужчины в самый раз. Не больше и не меньше. Варваре показалось, что смущение он прячет за маской строгости. Как бывает у лейтенантов, начавших службу. Этим он схож с аспиранткой Ванзаровой, известной своей строгостью. И упрямством.

— А вот и она! — сообщил капитан Половец, протягивая руку.

Варвара легонько ее пожала.

— Лейтенант, знакомься, — продолжил Половец, обернувшись к напарнику. — Та самая Варвара Георгиевна, о которой я тебе говорил.

— Лейтенант Игнатьев, — ответил молодой человек и кивнул по-старинному, как офицер императорской гвардии. Строго и сдержанно. И откуда что берется? Это было так мило, что Варваре захотелось улыбнуться. Только ему. Но рядом торчал Половец. Она сдержалась.

— Очень приятно. Можно просто Варвара...

Половец многозначительно крикнул.

— Лейтенант, знаешь, из какой она семьи?

— Так точно, товарищ капитан.

— А если знаешь, то держи ее в строгости. Начнет шалить, а она начнет, сажай под подписку о невыезде. Или просто — сажай.

Возникла пауза. Игнатьев не знал, что сказать. Половец хмыкнул и шлепнул его по плечу.

— Молодец, лейтенант, держишь удар. А теперь серьезно: у этой барышни в крови сыскная жилка. Не давай ей воли. Понял?

— Так точно, товарищ капитан.

— Ну и хорошо, — Половец вздохнул с облегчением, будто упал тяжкий груз. — Оставляю Варвару на тебя. Береги ее. А мне еще надо успеть дела кое-какие доделать: сегодня наши с финнами играют, матч последней надежды...

Половец шепнул что-то Игнатьеву и растворился в толпе на Невском проспекте.

Молчание затягивалось. Никто не хотел начинать. Варваре лейтенант нравился все больше. В чем она искренно призналась самой себе. И никому больше.

– Простите, лейтенант, как вас...

– Павел Петрович... Можно просто Павел.

Варвара подбодрила оробевшего улыбкой. Просто улыбкой. Улыбкой без намека. Наверное, получилась.

– Капитан сказал, что я могу помочь, как эксперт.

Игнатъев прочистил горло.

– Да, так точно.

– Павел, я разбираюсь в очень абстрактных вопросах: театр и все такое...

Варвара поймала себя на том, что старается казаться лучше. Она кокетничает? Не может быть... Надо взять себя в руки.

– Консультация требуется из вашей сферы.

Игнатъев что-то недоговаривал. Варвара заметила, но не придавала значения. Она выразительно огляделась.

– Консультацию проведем здесь?

– Варвара Георгиевна...

– Варвара.

– Просите, Варвара... Обязан спросить: как относитесь к трупам?

На миг она растерялась.

– Стараюсь встречать как можно реже.

– Я не о том, – Игнатъев запнулся. – Скажите, вы боитесь трупов?

Половец наверняка рассказал, как однажды Варвара нашла труп и чем это закончилось. Значит вопрос – проявление личной заботы об эксперте Ванзаровой. Как приятно. Нельзя об этом думать.

– Бояться надо живых, – ответила она чужой цитатой. – У вас труп в отеле?

Игнатъев вздохнул, будто изготовился к затяжному прыжку.

— Пройдемте, — сказал он официальным тоном, указывая на парадные двери и швейцара.

Варвара невольно подумала: хорошо, что не «пройдемте, гражданка».

5

Как-то раз, в детстве, Варвара полезла в библиотеку деда и нашла старинный том. На корешке золотыми буквами было написано «Гофман». Сказки Гофмана она читала. Том казался солидным, значит, сказок много.

Она вытащила тяжелую книгу, пахнущую пылью и колленкором. Открыв обложку, Варвара прочла название: «Судебная медицина, перевод с немецкого». Под типографскими буквами была чернильная надпись: «Моему другу Ванзарову, чтобы вымести ненаучную пыль из головы, от Аполлона Лебедева, 1886 год, июнь». И красивый росчерк. Варвара удивилась: раньше взрослые дарили друг другу сказки, ее прапрадед получил подарок. Она стала листать страницы.

И наткнулась на картинки... Такие... Такие... Такие, что... Не дойдя до середины, выронила книжку из рук. Варваре потом неделю снились кошмары.

Прошло много лет. Интернет и телевидение укрепляют нервы. Закалки оказалось недостаточно. Разглядывая Невский с высоты четвертого этажа, Варвара глубоко дышала, изображая, что приходит в себя. Куда больше она переживала, что опозорилась. Глупо и беспомощно...

...Солнце слепило в окна номера. В просторной гостиной горел весь свет. Ковром и мягкой мебелью занимались криминалисты. Игнатьев провел Варвару через

спальню, занятую кроватью кингсайз, и остановился у двери, за которой могла оказаться ванная.

— Варвара, прошу приготовиться, — сказал он, как говорит инструктор парашютного спорта. — Если станет плохо, не стесняйтесь.

— Я не боюсь, — заявила она.

Игнатьев кивнул. И распахнул дверь. Ванная была ярко освещена. Стоял тяжелый сладковатый запах.

Холодная лапа сжала горло. Варвара вздрогнула, но виду не показала.

В розовато-белой жидкости лежала женщина. Лицо ее скрывал кусок черной пленки. Шея упиралась в бортик ванны, кисти рук скрывала жидкость. Тело женщины говорило, что ей далеко за пятьдесят. Грудь, плечи и кожа в пигментных пятнах, морщинках и складках. Пожилое тело кажется особенно стыдным. Будто подсматриваешь за тем, чего знать не полагается. Варвара отвернулась. Но успела заметить плавающие ягоды малины.

— Чем я могу помочь, Павел? — спросила она бодро, как могла.

— Давайте отойдем, — Игнатьев прикрыл дверь. — Капитан сказал, что с вами можно общаться не как с рядовым свидетелем. Ваша семья, ваш дед и брат...

— Мне не надо ничего объяснять, — перебила Варвара. Уж слишком нерешительный лейтенант. Такой милый.

— Очень хорошо. Этот номер оплачен банковской карточкой на имя Доброниной Таисии Федоровны.

— Той самой Доброниной? — вырвалось у Варвары.

Игнатьев кивнул.

— Знаменитая актриса. 1962 года рождения, не замужем, детей нет. Из родственников — старшая сестра

Октябрина Федоровна, живет с ней. К сожалению, сестре восемьдесят пять лет. Других родственников нет. На рецепции Добронина предъявила паспорт.

Сомнения Варвары обрели очертания.

- Вам нужно опознать тело?
- Рад, что так хорошо понимаете.
- Вы хотите, чтобы опознала я?
- Не только, – уклончиво ответил Игнатьев.

Варваре стало неприятно.

– Простите, лейтенант, помочь не смогу: лично с Доброниной не знакома. Даже не помню, когда видела ее на сцене. Лучше проверьте отпечатки пальцев.

– К сожалению, госпожа Добронина не попадала в полицию и не получала биометрический паспорт. А генетическая экспертиза требует времени.

Скромный лейтенант оказался не таким уж простачком: проверил базы и ничего не нашел. И что-то недоговаривает.

– Других вариантов множество, – сказала Варвара, немного обидевшись: грустно, когда придуманный образ рассыпается дымом. – Во-первых, с Доброниной много лет живет помощница.

Игнатьев не слишком заинтересовался.

– Фамилия?

Варвара когда-то слышала это имя, но, как назло, не могла вспомнить. В чем призналась.

– Кто она такая?

– У Доброниной в юности появилась горячая поклонница, обожательница, фанатка, которая стала ее помощницей, слугой, секретарем на всю жизнь. До сих пор с ней. Всему театральному Петербургу это известно.

– Раньше назывались компаньонки при барыне, – сказал лейтенант, чем порадовал.

— Эта женщина знает Добронину как никто. Если она испугается — обратитесь в театр. Найдутся десятки актеров, которые с радостью опознают труп.

— На что намекаете, Варвара?

Приятно иметь дело с мужчиной не только красивым, но и умным. Варвара решила поощрить редкое сочетание качеств. Она раскрыла тайны, о которых кричали на каждом театральном сайте.

Недавно в театр Доброниной пришел новый директор. Пришел и заявил, что возвращает великую актрису в театр. Возвращение примадонны ожидалось на днях. Зная мстительный характер звезды, актеры трепетали. Те, кто предал ее три года назад, готовились писать заявления об увольнении. Так что сегодня многие поднимут бокал. Ее искренно ненавидела большая часть людей театра. При этом считая гениальной актрисой, которой позволено все. Вот так бывает...

— Важные сведения, — сказал Игнатъев равнодушной, чем Варвара рассчитывала.

Ей хотелось, чтобы лейтенант сказал что-то вроде: «неужели?» или «надо же!». Эксперт старалась, и никакой благодарности.

— Вынужден просить опознать вас.

Настойчивость Варваре совсем не понравилась.

— Но почему я?

Игнатъев ходил в гостиную и вернулся с пластиковым пакетом, в котором виднелся черный прямоугольник.

— Планшет лежал на краю ванны. Пожилые люди пароль не ставят. На планшете был открыт ваш блог, Варвара. Вероятно, Добронина перед смертью смотрела ваши рецепты красоты. Ничего не хотите мне сказать?

Интонация была знакома. Вот так, ласковым удавом, говорил с ней капитан Половец, когда пытался изловить. У него не вышло. А юный лейтенант еще пожалует.

— Рецепты не мои, а исторические, — сказала она так громко, будто Игнатъев мог записывать разговор. — И совершенно безобидные. При этом я предупреждаю, что публикую их только для сведения. А не для использования. Они не могут принести никакого вреда. При чем тут я?

- Обратили внимание на цвет воды в ванне?
- Молочный. С добавлением чего-то розового.
- У вас в блоге есть рецепт...

Не дожидаясь окончания, Варвара вынула смартфон, нажала иконку, покрутила посты и показала нужный.

— Вот этот? Его состав: клубника, малина и молоко. Больше рецепт летнего коктейля. Называется «Благонное умывание». Умывание, а не ванна. В таком коктейле можно только утонуть. Добронина сидит в ванне. Значит, она не покончила с собой.

— Считаете, что ее убили? — добрым следователем спросил Игнатъев.

Вот теперь Варвара рассердилась по-настоящему.

— Не передергивайте мои слова, лейтенант. Разве я сказала, что Добронину убили?

— Как думаете, что с ней случилось?

— Вам это скажут эксперты.

— А ваше мнение? Вы же наблюдательны. Заметили ягоды малины, сразу определили рецепт из своего блога.

Чтобы не брякнуть лишнего, Варвара придержала язык.

— Мое мнение обывателя: пожилая женщина сняла номер люкс, чтобы побаловать себя и приготовить

к триумфальному возвращению в театр. Наткнулась на мой блог, захотела испробовать простой рецепт. В ванну налила молоко, бросила малину, включила горячую воду, залезла. Сердце не выдержало. И она умерла. Дверь в номер была закрыта?

— Горничная в этом уверена.

— Тогда какие вопросы ко мне, лейтенант? — спросила Варвара, притопнув ногой. Давя осколки прекрасного образа мужчины.

— Только один: помогите опознать Добронину.

Варвара не обязана была помогать. Могла показать характер и уйти после мерзких подозрений. Но Ванзаровы не отступают. И она согласилась. Игнатьев не сказал «спасибо», вошел в ванную и взялся за край пленки.

— Госпожа Ванзарова, прошу сообщить, знакомо ли вам это лицо, — сказал он и не спеша снял пленку.

Варвара услышала свой визг. И поняла, что прячет лицо в кулачках, прижимаясь к плечу лейтенанта. Она испугалась по-настоящему. Испугалась, потеряв контроль и твердость. Было от чего растеряться. Под пленкой открылась маска багровых мышц. С лица сняли кожу с середины лба до скул. Как рисунок в учебнике судебной медицины. От маски исходила тяжелая вонь.

— Все, все, простите, — совсем другим тоном сказал Игнатьев. И прикрыл ужасное лицо.

Варвара подумала: обманываться в человеке слишком дорого. В чем убедилась опять. Она дала себе слово больше не верить фантазиям.

...В окно номера светило солнце, по Невскому мчались машины, гуляли люди и болейщики.

Подошел Игнатьев.

— Вы в порядке? — заботливо спросил он.

— В полном, — ответила Варвара, не поворачиваясь. — А вы, лейтенант?

— Что я? — не понял Игнатьев.

— Решили с капитаном Половцом проверить мою реакцию: могла ли я убить великую актрису и снять с нее скальп. Потому что перед смертью она смотрела мой блог. Дескать, вы нам нужны как эксперт, Варвара. Ах, опознайте Добронину, ну что вам стоит. Отличная отработка версии, лейтенант. Эксперимент удался. Поздравляю. Я могу быть свободна?

— Простите, Варвара Георгиевна... Искренно прошу простить, я не хотел.

Лейтенант будто сообразил: это была идея капитана Половца, «доброе знакомое» Варвары. С прошлого раза затаил обиду. И вот нашел повод. Игнатьев всего лишь выполнял приказ. Ничего не мог сделать. Он был расстроен искренно.

— Извинения приняты, — сказала Варвара, глянув на него.

— Варвара Георгиевна...

— Просто Варвара.

— Спасибо... Варвара, а вот теперь нужен ваш совет...

— Еще один эксперимент?

— Только совет: есть предположения, кто мог сделать такое с Доброниной?

Варвара ощутила, как стрелки весов качнулись в ее сторону. Пора отыграться. Она будет безжалостна.

— Павел, ответу при одном условии: если сначала вы ответите на мои вопросы.

Игнатьев вздохнул. Как вздыхают мужчины, которым деваться некуда.

— Эх, предупредил меня Половец. Спрашивайте, у вас же сыскная жилка проснулась.

– Жилка не проснулась, – отрезала Варвара. – Проверили камеры видеонаблюдения в коридоре?

– Эта информация не подлежит разглашению.

– Кто заходил в номер, кроме Доброниной?

– Для чего вам знать?

Варвара ощутила себя хозяйкой положения.

– Новости шоу-бизнеса читаете?

– Не интересуюсь, – ответил Игнатъев.

– Госпожа Добронина в четвертый раз выходит замуж. За известного некоторым людям певца Шляпича.

– И что такого?

– Шляпич был дважды женат. На богатых женщинах преклонного возраста. Которые переписывали на него состояние и умирали собственной смертью. Вам не кажется, что совпадение слишком очевидное?

Игнатъев обдумывал недолго, как умный человек.

– Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену¹, – задумчиво проговорил он. – Но певец и актриса не оформили отношения.

В ушах Варвары зазвенели колокольчики. Кто бы мог подумать: у лейтенанта СК такой редкий литературный вкус. Совсем не мужской и несовременный. Какой он необычный человек... Интересно, кто по характеру: мистер Бингли или мистер Дарси? Скорее мистер Дарси...

Отогнав посторонние мысли, Варвара сделал строгое лицо:

– Добронина могла переписать на Шляпича завещание. Знаете, какое у нее состояние?

– Нет, – сказал Игнатъев.

---

¹ Здесь и далее цитаты Джейн Остин в переводах И. Маршака.

— И я не знаю, — ответила Варвара. — Ходят слухи, что актриса скопила огромные суммы. Есть на что охотиться. Номер люкс — отличное место для романтического свидания.

— Шляпич со всех жен снимал кожу?

Варвара поняла, что красивый сюжет, который она придумала в спешке, зашел в тупик.

— Мне это неизвестно, — призналась она.

— Кто мог совершить убийство, кроме него?

— От чего умерла Добронина? — не сдавалась Варвара.

— Эксперты установят, — в задумчивости ответил Игнатъев и опомнился: — Эта информация не подлежит разглашению. Для чего вам знать?

— Допустим, половина театра ее ненавидела, а другая желала смерти. Это нормально, актеры живут эмоциями, не скрывают их. Могут дать пощечину или публично оскорбить. Но чтобы спланировать такое убийство...

— Почему решили, что убийство спланировано?

— А вы не так же думаете, Павел? — спросила Варвара, глядя ему в глаза.

Игнатъев промолчал.

— Трудно представить, кто из актерского мира мог на такое решиться, — продолжила она. — Не могу вообразить такой характер.

— Разве театральный критик не посвящен во все интриги?

— Я занимаюсь наукой, а не интригами, — ответила Варвара и невольно подумала: Инка бы тут пригодилась.

— Значит, подозреваемых у вас нет.

— Ничем не могу помочь, — сказала Варвара и подумала, что пора заканчивать. — Постороннему лицу на месте проведения следственных действий находиться нельзя. Я свободна?

Будто в печали Игнатъев вздохнул.

— Конечно. Прошу о происшествии не сообщать никому.

— Не сомневайтесь.

— Можно позвонить вам в случае необходимости?

Вопрос прозвучал так неожиданно и искренно, что у Варвары не нашлось твердости отказать. Как лейтенант заслуживал. Ну, не нашлось, и все.

— Звоните, — сказала она. — Звоните в любое время.

Варвара сама не поняла, зачем это добавила. Вечно язык бежит впереди, когда не надо. Если честно: ей захотелось, чтобы Игнатъев позвонил. Маленькое тайное желание.

Несмотря ни на что.

Холл отеля гордился стилем модерн. Красоты Варвару не интересовали. Она шла в раздумьях и не заметила, как толкнула кого-то плечом.

— Sorry, — бросила она, думая о своем.

Мысли были заполнены Доброниной. И лейтенантом. Вперемешку.

Смерть звезды наносит урон репутации отеля и создает проблемы следствию. Во время чемпионата такое происшествие никому не нужно. Пока о сенсации не разнюхали. Не было ни телевидения, ни журналов, ни блогов. Даже машин Следственного комитета Варвара не заметила, когда шла с лейтенантом к отелю. Нарочно припарковались подальше. Долго скрывать трагедию не получится. Не позже завтрашнего утра пойдет информация. Ловкий сотрудник отеля

снимет на смартфон, как выносят тело, или скопирует запись камер. Вот бы посмотреть это видео. Кто ей позволит.

— Ах, милая, это вы!

Варвара очнулась и обнаружила женщину, которую повстречала в институте. Она переделалась в светлое платье и широкую шляпку. Очки и маска прежние.

— Как чудесно, что мы с вами вот так столкнулись! И ведь я сейчас видела вас по телевизору! — женщина взяла ее за руку. Пальцы ее были сухие и мягкие. — Да вы знаменитость, оказывается!

— Совсем нет, — скромно ответила телезвезда, не отнимая руки.

— Послушайте, милая, простите, я не расслышала по телевизору, как вас зовут. Мне ужасно хочется с вами поболтать. Вы ведь изучает косметологию? У вас блог?

— Собираю старые рецепты. Меня зовут Варвара.

— Как мило, Варвара! А я Ольга Медсен, — женщина по-старинному отдала поклон. — Позвольте угостить вас чашечкой кофе. Здесь в лобби-баре варят приличный.

Варваре захотелось выкинуть мысли о смерти Дюброниной. И она согласилась.

В баре было прохладно. Что уже преимущество. Варвара мужественно приняла кофе, который терпеть не могла. Сделала глоток вежливости.

Медсен сняла маску. Губы и подбородок были ухоженными.

— Давно уехали из Ленинграда? — спросила Варвара, не решаясь обращаться к ней по имени.

Медсен издала возглас удивления.

— Откуда узнали, милая?

— Особая интонация. И вы окончили наш институт. Актерский факультет.

— Потому что осматривала фойе?

— Потому что у вас профессиональная постановка речи. Такое остается навсегда.

— Да у вас зоркий глаз и острый ум! — и Медсен засмеялась.

Она смеялась так искренно, что Варвара не удержалась от вопроса, подумав, что фамилия Медсен досталась ей от зарубежного мужа.

— Вы правы, милая, — сказала дама, сняв очки и протирая их шелковым платочком. Глаза выдавали возраст, как всегда у женщины. — Сорок лет назад я уехала из этого города. Думала, что никогда не вернусь. Случился чемпионат, и, несмотря на эпидемию, я захотела увидеть город, в котором прошла моя юность. Увидеть, наверное, в последний раз.

— Ищете призраки прошлого?

Медсен надела очки и помолчала.

— Непростой вопрос, моя милая. Вам этого не понять. И не нужно. Пусть призраки остаются там, где им положено... Да что я о себе... Вы студентка? Тоже актерский факультет?

Пришлось признаваться. Варвара сказала, что провалилась на актерский и стала театроведом. Про репутацию дракона она скромно умолчала.

— Просто чудо, что мы встретились! — Медсен картинно всплеснула руками. — И у нас общий интерес: косметология. Но Варвара, милая, развеите мои сомнения: неужели вам восемьдесят пять? Не могу поверить...

— Не верите? И правильно делаете, — ответила Варвара, стараясь не думать о втором глотке кофе. — Мне сто пятьдесят.

Медсен выпрямилась, показав молодую осанку.

— Уж не хотите ли убедить, что у вас есть средство вечной красоты и молодости?

— Все может быть, — ответила Варвара.

— Уж не разыгрываете ли вы Эмилию Марти¹ из «Средства Макропулоса»?

— А вы как думаете?

— Думаю, что водите за нос доверчивую даму. То есть меня...

Когда люди находят родственные души, они понимают друг друга сразу. Варвара и Медсен засмеялись. Вместе и от души. Так, что Медсен вытирала слезы.

— Спасибо, моя милая, развеселили.

— А ведущая поверила, — добавила Варвара и сделала глоток кофе. В знак дружбы.

— Но ведь блог у вас настоящий?

— Маленький и настоящий.

— В самом деле интересуетесь старинными рецептами красоты?

— Просто хобби.

— Признайтесь, милая, рецепт «эссенции Венеры» вам попался?

Варвара поняла: Медсен верит в то, что существует старинный рецепт косметического средства, которое позволяет женщине сохранить красоту до последних дней. Даже хорошие люди порой ошибаются.

— «Эссенция Венеры» — всего лишь красивая легенда, Ольга, — сказала Варвара, не заметив, как легко обратилась к Медсен по имени. — Вроде философского камня.

Медсен казалась серьезной.

---

¹ Главная героиня пьесы Карела Чапека, которая получила от отца, средневекового алхимика, средство вечной молодости и прожила 285 лет.

— Вы так думаете, милая?

— Мои знания в истории косметики дилетантские, но я уверена, что не существует чудесного, волшебного, универсального средства сохранить красоту.

— Вы так думаете? — повторила Медсен, будто собиралась убедить в обратном.

Варвара хотела привести веские доказательства, но ожил смартфон. Номер был незнакомый. И стационарного городского телефона. Что нынче редкость.

— Слушаю вас, — ответила Варвара.

— Госпожа Ванзарова?

Голос мягкий, совсем не такой, как у бодрых жуликов, продавцов кредитов.

— Кто это?

— Меня зовут Зоя. Я помощница актрисы Доброминой.

В сознании вспыхнуло два озарения сразу: «точно — помощницу зовут Зоя» и «с чего вдруг она звонит мне?».

— Да, — ответила Варвара, не зная, что сказать: выражать соболезнования или пусть Игнатьев отдувается.

— Мне поручено передать: Таисия Федоровна приглашает вас к себе.

— Куда приглашает? — ошарашенно спросила Варвара.

— Мы живем на Таврической улице, — Зоя назвала номер дома.

— На Таврическую улицу?

— Понимаю ваше удивление, госпожа Ванзарова. Таисия Федоровна редко кого приглашает к себе... Она хочет побеседовать с вами. Разговор очень важный.

— Побеседовать со мной, — повторила Варвара. — И это не шутка?

Зоя недовольно хмыкнула.

— Что передать Таисии Федоровне? Вы приедете?

– Да... Конечно... Я приеду. Когда?

– Лучше прямо сейчас. Таисия Федоровна не любит ждать, – и Зоя отключилась.

Медсен заботливо коснулась руки Варвары.

– Что-то случилось, милая? На вас лица нет.

– Все хорошо... Все отлично, – Варвара пыталась держать остатки лица при себе. – Простите, Ольга, но я должна срочно уехать...

– Понимаю, у вас дела и заботы... Но могу попросить вас, Варвара, вечером продолжить наш разговор? Мне надо сообщить вам нечто очень важное... Быть может, попросить о дружеской услуге... Приезжайте сюда в отель... Вам будет удобно?

Варвара обещала. Хотя трудно обещать что-то перед встречей с недавно умершей звездой театра.

Добронина смотрела из каждого угла. В театральных ролях, в кино, на концертах. Между фотографиями висели пожелтевшие афиши. На полках, этажерках и консолях красовались театральные награды, дипломы и призы. На большой панели шел фильм, который сделал Добронину знаменитой. Зоя задержалась в гостиной, чтобы гостя прочувствовала, где очутилась. К какому величию и славе ей повезло прикоснуться.

– Прошу обождать, – сказала Зоя негромко. – Узнаю, готова ли Таисия Федоровна вас принять.

Она неслышно скользнула за дубовую дверь. Помощница Доброниной оказалась скромной женщиной с короткой прической. Лицо было гладким, без возраста. От нее исходили лучи добра и смирения. Чему на-

учили годы общения с великой актрисой, диктатором и тираном.

Варвара огляделась. Квартира уже была мемориальным музеем. Примерно так выглядят жилища актеров, покинувших сцену. Они сохраняют себя в частичках памяти. Гостиная отличалась добротным богатством: антикварная мебель в хорошем состоянии, люстра старинного хрусталя. Будто время здесь остановилось в конце девятнадцатого века.

Старина гостиной не ограничивалась вещами. На кресле-каталке, придвинутом к плазменной панели, сидела старушка в черном. Голова ее была закутана платком, на лице надета санитарная маска. Подбородок женщины упирался в грудь. Она не могла видеть того, что происходит на экране. Варвара подумала, что сестра Доброниной дожила до таких лет, когда человеку нужны забота и покой.

А вот существу, развалившемуся с ногами на диване, до покоя было далеко. Существо было мужчиной, от красоты которого подергивался глаз. Особенно у женщин за пятьдесят. Когда дети выросли, внуков нет и хочется прижать к груди что-нибудь симпатично-молоденькое. Красавчик с обложек светской хроники облапил Варвару взглядом и кокетливо улыбнулся.

— Привет! — сказал он, не понимал, почему Варвара до сих пор не прыгает на одной ножке, не визжит от восторга, не просит автограф или сделать с ним селфи. — Ты кто?

С незнакомыми людьми Варвара трудно переходила на «ты». С незнакомой звездой привычки менять не собиралась.

— По делу, — ответила она и отвернулась разглядывать фотографии.

— Ох ты, жесткая, — усмехнулся он, скинув ноги на пушистый ковер. — Кто такая?

Молодой человек не мог поверить, что его не узнали. Держал напоказ журнал со своей физиономией на обложке и заголовком: «Шляпич женится в третий раз?»

Что сказать мужчине, одетому в белую облегающую футболку с глубоким вырезом, в котором болталась подвеска на цепи жирного золота? Варвара не ответила.

— Давай знакомиться, суровая, меня Петя зовут. Знаешь, кто я? — все-таки не удержался он.

Спасло Петю от моральной травмы возвращение Зои. Она кивнула Варваре и распахнула створку двери, позволяя войти в обитель славы.

Стены кабинета были густо увешаны фотографиями актрисы. На дальней стене висела плазменная панель, на которой без звука шел старый фильм с молодой Доброниной. Варвара не помнила название. И, кажется, не видела это кино. Хозяйка кабинета стояла спиной, в картинной позе, опираясь на письменный стол, такой же старинный, как и квартира. Если не считать Шляпича. Дракон на спине шелкового халата шевелился, будто живой.

— Добрый день, — сказала Варвара. Хотя язык рвался спросить: «Это вас убили в ванной?»

Позади с мягким щелчком захлопнулась дверь.

Медленно и величаво халат стал поворачиваться.

Варвара не испугалась. В отеле зрелище было куда страшней. Сейчас на Доброниной всего лишь не было лица. Оно было густо замазано зеленоватым веществом, в котором виднелись глаза, нос и рот. Волосы прятались под тюрбаном полотенца. На руках белые косметические перчатки. Густой аромат духов смешался с запахом крема. Великая актриса молча изучила простую

смертную, что стояла перед ней. И не упала на колени от восторга.

— Вот ты какая, — сказала она, будто ожидала увидеть совсем другое.

— Добрый день, — повторила Варвара.

— Читаю твои рецензии, молодец, за словом в карман не лезешь, так и надо стегать бездарей, — Добронина не скрывала удовольствия.

Варвара благодарно кивнул.

— Сейчас увидела тебя по телевизору, думаю, ну все одно к одному, надо звать. Блог ведешь по косметике?

— Веду, — выдавила Варвара.

— Об этом после, — и величавым жестом ей было указано на стул с резной спинкой.

Варвара села. В спину впились деревянные завитушки. Вот почему у барышень на старинных фотографиях удивительно прямая спина: опереться на мебель невозможно, приходится держать осанку.

Добронина уселась в кресле в позе королевы в изгнании.

— Кто ты и чем занимаешься, мне известно, — начала она. — Зоя, помощница моя, все про тебя разузнала. Девка ты строптивая, с характером, мне такие нравятся... Петька к тебе лапы клеил?

Варвара не смутилась.

— Не терплю, когда ко мне обращаются на «ты», — ответила она.

— Вот, молодец, — Добронина хмыкнула. — Петька славный, но шельма. Слабость моя — плохие мальчишки. Не о нем речь. Знаешь, что в моем театре происходит?

Варвара молча выразила согласие.

— Так вот скажу тебе: как только Митенька Крякин стал директором, пообещал мне устроить все как поже-

лаю. Пора перетряхнуть этот пыльный сундук. Всех бездарей выгоню. Вместе с ними на улицу пойдет завлит, клуша эта, гадина и предательница. Пойдешь ко мне завлитом?¹

Служить в театре Варвара не мечтала. Но предложение было из разряда фантастики. Во-первых, перспектива: выбирать пьесы и видеть их поставленными на сцене. А во-вторых... Варвара побоялась себе признаться: зарплата завлита академического театра – редкий приз. Можно будет ошеломить деда, что она стала хорошо зарабатывать. Не брать у него деньги, которые он называл «гуманитарной помощью», а отдавать ему. В виде приятных подарков. Все это пролетело в мыслях. Язык рвался брякнуть «я согласна!». Варвара удержалась.

– Спасибо за предложение, Таисия Федоровна, оно слишком неожиданное.

Доброниной ответ понравился.

– А как иначе! Тебе счастье само в руки идет. Стипендия аспиранта небось нищенская?

Этой темы Варваре не хотелось касаться.

– Мне надо подумать, – через силу сказала она.

– Подумать? – Добронина скривилась, отчего вещество на лице пошло буграми. – Да чего тут думать? Ладно, раз ты такая, даю тебе сроку до вечера. Вечером придешь... И не вздумай отказаться. Поняла, Варька?

Пришлось убедиться: рассказы о царских привычках и вздорном характере – чистая правда. Актриса ведет себя как барыня с холопами. Как только Зоя терпит пытку столько лет?

– Постараюсь, Таисия Федоровна.

---

¹ Заведующий литературной частью театра. Подбирает пьесы для постановок.

— Вот и постарайся для меня... Внакладе не останешься. А теперь другой разговор, — Добронина глянула на дверь, будто кто-то мог подслушивать, и поманила к себе. — Мне не только завлит новый и молодой нужен, мне человек верный требуется. Чтобы положиться могла...

Клятва на верность не входила в список дел, которыми Варвара занималась по утрам. Она Родине клятву не давала, потому что не служила в армии. Может, лучше обойтись без подписи кровью?

— Что от меня требуется? — спросила она и сообразила.

Добронина погрозила пальцем так, что дракон на рукаве вздрогнул.

— Ох вы, молодые-деловые... Ладно, все вы такие нынешние... Нам не чета... Дело к тебе есть... Но так, чтоб между нами. Зойке ни слова, даже если спрашивать будет. Она тоже нос сует куда не надо... Найди мне, Варя, средство, чтобы вернуть красоту мою... Чтобы явилась в свой театр — и все ахнули и обомлели, увидев меня молодую и красивую...

Варваре на миг показалось, что она очутилась в сказке и чудовище просит найти цветочек аленький. Наверное, жара так действует.

— Какое именно средство? — спросила она осторожно.

— Настоящее... Старинное... Косметическое... Ты же блог ведешь, вот у тебя и должен быть рецепт заветный, который в книжках старинных вычитала. Такой мне нужен. И прямо сейчас... Вечером принеси...

— Такого рецепта у меня нет.

Варвара ответила честно. За честность приходится платить: на лбу Доброниной грозно собрались бугорки крема.

— Так найди! Средство быстрое и сильное. Поищи у себя в блоге или где там...

— Поищу, — применила дипломатию Варвара. — Но почему не обратитесь к косметологам? Вам доступны любые технологии красоты.

Великая актриса отмахнулась, как на сцене.

— Не верю им, обманщики и бездари... Вон скольким актрисам лицо изуродовали. Не хватало еще под их лазеры лечь. Долго, да и не хочу. Мне надо срочно. Еще разболтают, что Добронина омоложением занимается... Пойдут слухи... Нет, мне надо так: полежала в ванне и встала молодой... Сразу надо. Чтобы всех сразить своим появлением...

Добронина вдруг поникла головой.

— Ах, милая, знала бы, что такое старость, — сказала она совсем другим голосом. — Ничего, узнаешь, да поздно будет...

Она резко посмотрела на Варвару.

— Так сможешь?

— Сделаю все, что смогу.

— Хорошо... Хорошо... А знаешь, меня ведь хотят убить...

«Опять?» — чуть не вырвалось у Варвары.

— Подозреваете кого-то конкретно? — спросила она, думая про любителя пожилых дам в соседней комнате.

Намек Добронина не услышала. Или не захотела услышать.

— Врагов у меня всегда много было, а теперь еще больше будет... Затаились, гады, только и ждут, как укусить, крысы... Нет, случилось у меня видение нехорошее...

В старых домах Петербурга водятся не только управляющие компании, но и призраки. Только призраки квартплату не требуют. Встречаются они нечасто, мож-

но сказать, никогда. Квартира актрисы могла быть последним местом, в котором объявилось привидение. Шутить на скользкую тему Варвара не рискнула. Она сделала серьезное лицо.

— Видели призрака?

— Видела, — Добронина трагически вздохнула. — Призрака прошлого... Это знак, пришел мой час... По мою душу пришли... Скоро помру, видеть... Мало у меня времени осталось, надо успеть блеснуть... Так, чтобы запомнили Таисию Добронину!

— Может быть, обратиться в полицию? — благозвучно спросила Варвара.

Добронина поморщилась так, что крем потек.

— Они со смертью переговоры вести будут? Нет... Своего срока не миновать... Знаешь, какую пьесу возьмем на мою премьеру?

К новому прыжку в разговоре Варвара была готова.

— Что-то из европейской классики?

— Молодец! Будем ставить «Привидения» Ибсена. Знаешь?

Вопрос для театроведа можно было считать оскорблением. Варвара проявила терпение.

— Для вас роль фру Алвинг.

— Конечно! Кого же еще! Моя роль, моя... Кого режиссером пригласить?

Варвара хотела назвать несколько фамилий, но Добронина опередила.

— Кирюшу Мукомолова хочу пригласить. Он, конечно, халтурщик, но звезда и, когда захочет, умеет сделать шедевр... Проведешь с ним переговоры.

— Кто, я? — искренно спросила Варвара.

Общаться с Мукомоловым после того, что между ними было... Бедного режиссера удар хватит. Или за-

просит тройной гонорар. Однако было в этом что-то приятное, как перчик в шоколаде. А почему бы не попробовать?

— Ты, голуба, ты, — будто приказала Добронина. — Позвонила ему уже, рассказала, что ты от меня говорить будешь... Он так обрадовался, гонорар вполовину сократил. Бойтся, что ль, тебя?

— Мы почти не знакомы, — не моргнув глазом ответила Варвара.

— Вот и познакомитесь... И еще поручение. Езжай в мой театр, покажись Митеньке Крякину. Я ему про тебя рассказала, он на тебя хочет взглянуть сам. И не мешкай, живенько давай... Ладно, заболтались... Иди уже... Чтоб вечером была с согласием.

Уходя, Варвара заметила в углу комнаты ноутбук с выключенным звуком. На нем шла запись спектакля «Мария Стюарт» с Доброниной в главной роли. Все-таки актеры слишком сильно любят себя. Особенно себя в искусстве. Такие нарциссы. С возрастом ничего не меняется.

Только хуже становится.

На Таврической улице стояла крымская жара. Солнце палило беспощадно, подыгрывая нашей сборной по футболу. Бегать по полю финнам сегодня будет тяжело. Жаль, что нашим тяжело бегать всегда.

На той стороне улицы манила зелень Таврического сада. Варвара поборола желание посидеть в тенечке и нажала контакт. Половец ответил сразу. Для него была приготовленная версия, зачем понадобился номер лей-

тенанта Игнатьева. Половец выслушал, хмыкнул, обещал прислать sms и деловито отключился. Оставалось дожидаться, когда капитан сдержит слово.

— Эй, суровая!

Варвара обернулась, как флюгер под ветром.

Петя Шляпич, сверкая белыми штанами, золотой цепью и улыбкой, присел на капот сверкающе-розовой бээмвухи. Поигрывал на пальце золотым брелком с ключами. Не хуже кавказского мужчины. Вот только машина была спортивной и женственной. Как игрушка. Варвара подумала, что рыбка сама просится в сеть.

— Прошу перейти на «вы», — сказала она тоном, от которого холодели студенты на зачетах.

Шляпич фыркнул.

— Ну, ты сила... Ладно, прости, не обижайся, у меня характер широкий и добрый... Миру мир? — он протянул холеную ладошку.

Варвара кивнула в знак согласия. Худой мир лучше доброй войны.

— Тася предложила тебе место завлита? — не смутившись, продолжил он.

— Я получила такой офер.

— Офер! — Шляпич улыбнулся. — Это не офер, а сказка. Тебе какие мои песни нравятся?

— Никакие. Я не слушаю попсу.

Брелок чуть не свалился с пальца. Шляпич искренно удивился: разве найдется хоть один человек, тем более девушка, которая не слышала его знаменитые песни. Куда катится мир, подумать страшно.

— Да ладно, — вырвалось у него обиженно. Красавчики такие ранимые.

— Не переживайте, — успокоила Варвара. — У меня другие музыкальные вкусы. Скучная классика.

– А, ну ладно, – Шляпич обрел уверенность. – Будем друзьями, еще слушаешь. У тех, с кем дружу, все хорошо. Например, они получают место завлита... Хочешь быть завлитом?

Намек был прямой и наивный. Хорошо, что Шляпич не знал, кому сделал откровенное предложение. Варвара пожалела белоснежную футболку и штаны.

– Приглашаете на свидание? – вежливо спросила она.

Он шлепнул по машине:

– Прокатимся с ветерком в кабриолете.

– Как же так, Петр. У вас невеста, – Варвара чуть не добавила: «третья и старая». – Вчера с ней было свидание в номере люкс, который сняла Таисия Федорова. А сегодня меня приглашаете?

Шляпич привстал с капота:

– Ты откуда знаешь?

– Поделилась по-женски.

– Ах вот что... А Тася не поделилась, что желания у нее меняются, как погода. Сначала: «давай повеселимся» – а потом: «ничего не будет до свадьбы».

– Невеста не подпускает к себе?

– Дело обычное: сначала поломается, потом горячее будет...

Стало противно, Варваре захотелось руки вымыть. Добронина ему в бабушки годится, как не стыдно. Фу...

– Секс с пожилыми женщинами – это призвание? – мужественно спросила она.

Петя подмигнул:

– Это моя работа. Так поедем покататься?

Смартфон сообщил: пришло sms. Варвара обещала обдумать заманчивое предложение. Она перешла на другую сторону улицы, чтобы Шляпич не мог поехать следом, и нажала номер. Немного волнуясь.

— Слушаю вас, Варвара...

Лейтенант не проявил удивления. Мужчины в погонах такие наивные. И без погон тоже.

— Павел, я только что побывала на квартире Доброниной.

— Кто вам разрешил? — сухо спросил он.

— Меня пригласила сама Добронина.

— Что за шутки?

— Со Следственным комитетом я не шучу с тех пор, как получила подписку о невыезде, — ответила Варвара. — Добронина предложила мне должность завлита в ее театре. У нее дома полный набор: Зоя, жених Шляпич и старшая сестра Октябрина Федоровна. Мы проговорили полчаса. Сегодня вечером я должна вернуться и дать окончательный ответ. Добронина жива, здорова, энергична. Правда, боится, что вскоре умрет.

— Причины?

— Видела призрака прошлого. Что это, не стала уточнять. У нее и так нет лица.

— Что это значит? — строго спросил Игнатъев.

Варваре понравилось поддразнивать его. Как котенка бантиком.

— У Доброниной на лице густой слой косметической маски.

— Ах вот что, — с явным облегчением сказал он.

— Можете приехать и убедиться, что Добронина жива.

Игнатъев ответил молчанием. Варваре было не оставаться:

— Зато теперь точно известно, что в ванной отеля другой человек.

— Ждите на месте, буду через полчаса.

— Извините, Павел, информацию сообщила, а теперь у меня срочные дела, — ответила Варвара и подумала: как хорошо иногда включить капризную девочку. Даже с человеком, который нравится. С ним особенно. — Если хотите, можем встретиться вечером. Возможно, узнаю еще что-то важное...

Варвара замерла, ожидая, что будет. И это случилось: Игнатьев назначил встречу. Значит, тайные желания сбываются!

Она отключилась и посмотрела пропущенные звонки. Список состоял из одного настойчивого абонента. Марта поставила рекорд: пыталась дозвониться двадцать раз. Пора было проявить жалость к лучшей подружке.

Одной из двух лучших.

9

Когда Марта трудилась гуру тонких материй, она занималась обычными чудесами: снимала венец безбрачия, открывала чакры и ремонтировала ауру. Поклонницы ее обожали и платили за исправление судьбы. Марта жила на гонорары, а потому свято верила в свои сверхспособности. Как-то раз Варвара предложила ей выбросить из ладони паутину или взлететь, выставив кулак. Марта заявила, что Варваре рациональное мышление мешает видеть всю сложность мира. Мышление Варваре не мешало, а удобно умещалось в мозгах.

Сегодня Марта показывала новые чудеса. Она терпеть не могла футбол, пиво и шум. Но встречу назначила в фан-зоне на Конюшенной площади, заказала себе и Варваре по кружке светлого и уселась под колонками, которые надрывались воплями вчерашнего матча. На-